

Огненная птица, почуяв рождение маленькой хозяйки, с шумом выпорхнула из своего пространства и закружила над отцом и дочерью, осыпая их золотыми перьями. Линь Юньфэн и Линь Шидун с изумлением наблюдали за происходящим: эта божественная птица прежде никого, кроме Вань Яо, к себе не подпускала, а теперь так ластится к младенцу.

Огненная птица не обратила внимания на их удивление. Она радостно преподнесла малышке подарок — перо, украшенное огненным узором, а затем, пожалев Линь Юньфэна, бросила ему духовный плод. Стоит заметить, что это были её личные запасы: когда-то Вань Яо просила у неё хвостовое перо для создания артефакта, но птица пожадничала.

Линь Юньфэн посмотрел на плод, затем на похожую на жар-птицу спутницу и, наконец, перевел взгляд на Вань Яо, в глазах его читалось сомнение.

Вань Яо кивнула ему:

— Ешь, это полезно для восстановления организма и твоих ног.

— Благодарю вас, госпожа Огненная птица, — торжественно произнес Линь Юньфэн, прежде чем принять и съесть плод. Плод растаял во рту, и по всему телу разлилось тепло, мгновенно прогнав даже усталость после родов.

Огненная птица осталась довольна проявленным уважением, счастливо сделала пару кругов, взглянула на ребенка и с гордым видом вернулась в свое пространство.

До рождения ребенка Линь Юньфэн возлагал на нее большие надежды: хотел сделать наследницей дома Линь, вернуть роду былую славу... Но стоило малышке появиться на свет, как все эти мысли испарились. Выбирая имя, он долго раздумывал и в итоге остановился на Линь Кэсинь.

Кэсинь — пусть всё будет по сердцу, пусть всё будет желанным. Лишь бы она выросла здоровой и счастливой, этого достаточно.

Линь Юньфэн как раз менял пеленку Кэсинь. Стоило его пальцам коснуться нежной кожи младенца, как на губах заиграла легкая улыбка, но в тот же миг в голове без всякого предупреждения что-то взорвалось.

Сцены той ночи, словно костяшки домино, с грохотом посыпались одна за другой: Вань Яо сжимает его подбородок, целуя с силой, прохлада жемчужины на её шпильке касается его кадыка; его спина, внезапно напрягаясь под её пальцами, скользившими по старому шраму на пояснице; и то, как при опущенных полах её глаза, подведенные красным, сияли, словно растертый в пыль закат...

— Генерал? Что с вами? — Линь Шидун вошел с чашей лекарства и замер, увидев, что тот стоит неподвижно, а его уши покраснели так, будто вот-вот нальются кровью. Пеленка едва не

выпала из рук генерала.

Линь Юньфэн резко пришел в себя и начал суетливо пеленать Кэсинь, его пальцы дрожали. Воспоминание было настолько неловким, что даже дыхание перехватило, словно в воздухе до сих пор витали аромат трав и шум дыхания той ночи. Он не смел поднять глаз, боясь выдать себя, и устался на вышитого на пеленке тигренка. Но глаза тигра были вышиты так ярко, что напомнили ему, как Вань Яо шептала на ухо: Зови меня Яо-Яо, — с тем самым лукавым блеском в глазах.

Время словно застыло. Стрекот цикад за окном, запах лекарств в комнате, тихое посапывание Кэсинь — всё превратилось в размытый фон. В голове крутились лишь эти смущающие картины: его напряженная шея, когда его прижали к постели, его судорожный вздох, когда она укусила его за ключицу, и то, как в решающий момент он сжал её запястья, впиваясь пальцами в кожу...

— Генерал, лекарство остывает, — Линь Шидун поставил чашу на стол с ноткой недоумения в голосе. В последнее время генерал часто так зависал, краснел, не могло ли это быть последствием тяжелых родов?

Линь Юньфэн выдавил короткое:

— М-м, — и взял чашу, но пить не стал. Край посуды был горячим, обжигая пальцы, что напомнило ему тепло ладоней Вань Яо. Той ночью она вытирала ему пот, и её руки, пропитанные прохладой целебных трав, скользили по его влажной от пота груди, словно ручей по раскаленным камням.

— Я... я схожу в уборную, — он резко встал, едва не опрокинув табурет. У самого выхода край его одежды зацепился за дверной косяк, издав скрип, от которого он подпрыгнул, словно кот, которому наступили на хвост, и сбился с шага.

Лунный свет в саду был прекрасен, пробиваясь сквозь листву софоры и сплетаясь на земле в зыбкую сеть. Линь Юньфэн, опираясь на ствол дерева, тяжело дышал, его кадык судорожно двигался. Он вспомнил, как Вань Яо говорила о краже ароматов при лунном свете, и внезапно этот лунный свет показался ему обжигающим, подобным её дыханию у него на ухе.

В комнате заплакала Кэсинь, тоненько, по-кошачьи. Линь Юньфэн пришел в себя и поспешил обратно. Проходя мимо каменного стола, он увидел недошитую нательную рубаху — ту самую, что он мастерил для Вань Яо. Стежки были кривыми, но он так часто гладил их пальцами, что ткань залоснилась.

Он внезапно закрыл лицо ладонями, и горячий воздух, просачивающийся сквозь пальцы, обжигал. Оказывается, некоторые воспоминания, даже сквозь запах лекарств и детского молока, остаются настолько ясными, что от них некуда скрыться. Время шло, но он чувствовал себя запертым в той стыдной и жаркой ночи, где даже лунный свет хранил температуру того времени.

В изначальной линии судьбы у оригинала было два сына, и братья были очень дружны. Старший, Ли Миньюй, был мягким и рассудительным, идеальным кандидатом на престол, но пал жертвой заговора. Младший, Ли Минлэй, чтобы отомстить за брата, превратился в одержимого борьбой за власть. Вань Яо, считая, что оба ребенка были искренни в своей сыновней почтительности, решила им помочь. Поэтому, как только Линь Юньфэн родил, она вернулась во дворец.

Вань Яо вызвала сыновей и, как когда-то в резиденции генерала, разыграла перед ними спектакль, явившись в образе богини, спустившейся с небес для испытания. Дети и так тянулись к матери, а теперь наполнились священным трепетом и гордостью — ведь они теперь потомки богини.

В день, когда Линь Кэсинь исполнился месяц, Вань Яо собрала на кончиках пальцев нежно-золотую духовную энергию и слегка коснулась лба младенца. Сияние, подобное маленькому солнцу, тепло разлилось по пеленкам, заставив Линь Юньфэна лишь пораженно приоткрыть губами.

— Я вернусь во дворец, проверю дела, и через несколько дней навещу вас, — она взъерошила его волосы, и подушечки её пальцев коснулись покрасневшего кончика его уха.

Линь Юньфэн крепче прижал к себе сверток, дыхание дочери на тыльной стороне ладони было мягким, как облако:

— Возьми с собой отряд Черных волков.

— Не нужно, — Вань Яо наклонилась и поцеловала его в уголок губ, от неё пахло горьковатой свежестью трав из духовной обители. — Я ведь небожительница.

Карета, направлявшаяся во дворец, мерно постукивала колесами по каменной мостовой. Вань Яо приподняла занавеску: дым из очагов деревни Синхуа таял в сумерках, а она перебирала пальцами светящуюся белую жемчужину — подарок для тех двух сорванцов.

Едва она ступила в Куньнинский дворец, как к ней бросились две фигуры. Старший сын, Ли Миньюй, в белоснежном парчовом халате, держался прямо, в его взгляде уже читалась рассудительность. Младший, Ли Минлэй, в простом желтом костюме для тренировок, проворный, как леопард, первым схватил её за рукав:

— Матушка! Вы наконец вернулись!

Вань Яо с улыбкой обняла их, заметив красные прожилки в их глазах — по-видимому, за эти три месяца старый император совсем сдал, и заботы о дворце легли на их плечи.

— Чего так спешите? — она повела их вглубь дворца, жестом приказав слугам удалиться. — Мой визит в храм Линъянь был не просто молитвой о благополучии.

Ли Минъюй помог ей сесть и сам налил горячего чая:

— Матушка, путь был долог. В последнее время во дворце беспокойно, но теперь, когда вы вернулись, я спокоен.

Ли Минлэй надулся:

— Брат только и умеет, что портить настроение. Матушка, не слушайте его. Разве во дворце когда-нибудь было тихо? Расскажите лучше, что там снаружи. Вас не было целый сезон, неужели не случилось ничего интересного?

Вань Яо улыбнулась загадочно:

— Ничего особенного, но есть одно важное дело, о котором я должна вам рассказать.

Братья тут же посерьезнели и в один голос ответили:

— Говорите, матушка.

<http://bllate.org/book/18849/1837699>